

Спустя неделю. Нью-Йорк.

Хань Хуань открыл глаза и увидел перед собой белоснежный потолок.

Он попытался сесть, но не успел: раны, еще не успевшие затянуться, отзывались острой болью и зудом, а лоб покрылся холодным потом.

С огромным трудом ему удалось отвлечься от боли и попытаться восстановить в памяти события последних двух недель.

Если отбросить семь дней, проведенных в коме, то оставшиеся воспоминания казались куда более насыщенными и сложными, чем все, что произошло с ним за последние два года.

Воспоминания потекли вспять и замерли на той самой ночи: он, тяжело раненный, сидит на земле, и кто-то его целует. Этот человек был... Гу Цзин.

Как могло привидеться такое в тот момент... Хань Хуань коснулся ладонью разгоревшейся щеки, тихо вздохнул и нажал кнопку вызова медсестры у изголовья кровати.

Перед тем как отправиться на это задание, он слышал, что Гу Цзин, закончив совещание, не вернулся в Пекин, а остался сопровождать некую Чжэн Пэй на ее дне рождения.

В сердце Хань Хуаня кольнула горечь, и его пальцы, расстегивающие пуговицы больничной рубашки, невольно замерли. В этот момент дверь открылась — он как раз дошел до предпоследней пуговицы — и в палату вошли две медсестры, слегка покрасневшие от смущения. Следом за ними раздался полный ужаса мужской голос:

— Хань Хуань, ну и ну! Не ожидал от тебя такого. Среди бела дня и такие... ролевые игры в униформе.

Хань Хуань молниеносно отбросил в сторону снятую рубашку, схватил с прикроватной тумбочки первый попавшийся предмет из фруктовой корзины и изо всех сил швырнул его в полковника Хэ.

Прямое попадание.

Подняв яблоко, послужившее метательным снарядом, полковник Хэ посмотрел на мужчину, который с невозмутимым видом, словно ничего не произошло, проходил осмотр. Он скривил губы:

— Такой скверный характер с утра пораньше, даже не знаю, какая девушка на тебя позарится. Хань Хуань, ты ведь только Гу...

Он внезапно осекся, словно спохватившись.

Хань Хуань бросил на него взгляд.

Полковник Хэ сконфуженно потер нос и принялся оглядываться по сторонам:

— Изначально планировали вылетать после обеда, не забудь заранее собрать вещи, да и лекарства смени вовремя...

— Мне нечего собирать, а лекарства я сменил еще вчера, — Хань Хуань смотрел в окно, даже не взглянув на собеседника. — Недели недостаточно, чтобы Гу Цзин окончательно поверил в мою смерть. Возвращение на родину сейчас сопряжено с риском разоблачения. Полагаю, начальство уже не раз подгоняло тебя, требуя поскорее доставить им ценный подопытный образец.

Тон был сухим и ровным, дыхание и выражение лица оставались неизменными.

В комнате воцарилась тишина. Все трое уставились на него с удивлением и жалостью.

Полковник Хэ выругался, раздраженно махнул рукой:

— Я же о тебе забочусь, понимаешь? Нельзя ли выражаться не так мерзко... Что за «подопытный образец» такой...

Хань Хуань замер, его рука слегка дрогнула, и на игле показалась капля крови.

— На самом деле, быть подопытным не так уж плохо. По крайней мере, кто-то присматривает за тобой двадцать четыре часа в сутки.

Шутка, не вызвавшая ни у кого улыбки.

Хань Хуань глухо кашлянул и, встретившись взглядом с полковником, добавил:

— В любом случае, Хэ Чун, спасибо тебе.

— ...Хань Хуань, ты мог бы поблагодарить еще более формально?

— Уважаемый полковник Хэ, я выражаю вам свою самую искреннюю и глубокую признательность. Так пойдет?

Ну кто благодарит с таким каменным, ледяным лицом... Полковник Хэ с трудом проглотил готовый сорваться с языка сарказм и направился к выходу. Уже у самой двери он оглянулся и бросил сложный взгляд на мужчину, который все еще мог лишь слабо опираться на подушки.

За окном по стене вился девичий виноград. Утреннее солнце заливало комнату, окутывая Хань Хуаня теплом. Этот мужчина не обладал выдающейся внешностью, но его лицо было из тех, что притягивают взгляд. В утренних лучах его густые ресницы, похожие на черные перья, едва заметно подрагивали.

Эта картина ничем не отличалась от того дня, когда они встретились впервые. Но сейчас полковнику казалось, что этот человек, привыкший казаться холодным и суровым, выглядит до невозможного одиноким, словно все это тепло было ему чуждым.

Полковник Хэ достал телефон, на экране которого крупно светилось имя: Старик Цзэн. Приняв вызов, он свернул в неприметный угол и буркнул:

— Что случилось, начальник Цзэн?

Время тянулось медленно, невыносимо медленно.

— Что?! — вскрикнул полковник, но, заметив, что на него смотрят, быстро отошел в сторону и понизил голос: — Вы сказали, Гу Цзин пришел к вам?!

*

Шанхай, административный люкс на 80-м этаже Всемирного финансового центра.

— Совершенно верно, он пришел ко мне.

Произнеся это, пожилой мужчина положил трубку и с улыбкой посмотрел на молодого человека, стоявшего у окна.

— Неужели второму молодому господину Гу не интересно, кому я звонил?

За тринадцать часовых поясов отсюда, где день сменялся ночью, молодой человек молча смотрел на город. В огромном панорамном окне отражалось его почти бледное лицо.

Этим молодым человеком был Гу Цзин, которого пожилой собеседник называл вторым господином Гу.

Гу Цзин был невероятно хорош собой: тонкие, изящные черты лица, а особенно глаза — словно

две осенние заводи, в которых при улыбке отражалось все очарование мира.

Услышав вопрос, Гу Цзин не спеша обернулся и с той же улыбкой ответил:

— Кому вы звонили, начальник Цзэн, не в моей компетенции спрашивать. Но осмелюсь предположить, что это был полковник Хэ?

Пожилой мужчина, казалось, был заинтригован ответом. Он долго и внимательно изучал Гу Цзина, а затем расхохотался:

— Все говорят, что второй господин Гу крайне проницателен. Теперь вижу, что это чистая правда.

Он снова включил телефон — оказывается, связь не прерывалась.

Заметив это, Гу Цзин развернулся и прошел на балкон. Его длинные пальцы вертели зажигалку Zippo, и он элегантно прикурил сигарету.

По реке Хуанпу сновали прогулочные суда, набережная Вайтань сияла огнями, словно бесчисленные звезды собрались в одну реку, уходящую к темно-красному горизонту.

Город грехов и роскоши.

Он выпустил облако дыма и смутно услышал, как в комнате произнесли чье-то имя. В его глазах мелькнула боль, которая в следующее мгновение стала лишь сильнее.

Он услышал, как человек в комнате спокойно произнес:

— Раз уж наше Девятое управление нашло тело майора Ханя, то, разумеется, оно принадлежит нам.

Значит, люди из Девятого управления нашли... его А-Хуаня?

Сигарета догорела до пальцев, но Гу Цзин не почувствовал боли. Семь дней с момента получения известий были для него сплошной пыткой. И теперь, наконец, пришло подтверждение: его А-Хуань действительно мертв.

Он больше не слышал, о чем говорили дальше. Его разум словно лишился опоры, и вся выдержка в этот миг рассыпалась в прах.

Гу Цзин достал новую сигарету. Не зажигая, он содрал с нее бумажную оболочку, обнажив

сухой желтый табак. Он принялся жевать его, и горький вкус мгновенно наполнил рот, а из глаз невольно брызнули слезы.

Эта привычка появилась у него еще в детстве, но после того, как они сошлись с Хань Хуанем, тот возненавидел курение, и Гу Цзин бросил — ради него.

После их расставания два года назад он снова начал курить, но эта странная привычка жевать табак вернулась только сейчас.

Гу Цзин с силой потер глаза. Дождавшись, пока дыхание выровняется, он снова вошел в комнату.

<http://bllate.org/book/18679/1804961>